

Лучшие романы об уголовном розыске

НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ

Алексей
МАКЕЕВ

Сынок
министра

ЭКМО

Полковник Гуров

Николай Леонов
Сынок министра

«Научная книга»

2009

Леонов Н. И.

Сынок министра / Н. И. Леонов — «Научная книга»,
2009 — (Полковник Гуров)

Обокрали сына крупного министра – девица легкого поведения утащила у него кольцо стоимостью в несколько сотен тысяч долларов. А он эту драгоценность должен был подарить своей невесте – дочке другого министра. И если все узнают, при каких обстоятельствах кольцо пропало, – свадьбе не бывать. Да еще подмокнет репутация больших родителей. Знаменитому сыщику Гурову, конечно, на их репутацию наплевать. Ему поручили найти пропажу, и он обязательно ее найдет. Но когда он напал на след воровки, то обнаружил ее труп в ванне с водой. И что теперь – никаких следов? Нет, Гуров уверен – следы остаются даже на воде...

© Леонов Н. И., 2009

© Научная книга, 2009

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Николай Леонов, Алексей Макеев

Сынок министра

Глава 1

Платиновую блондинку в открытом бордовом платье Курносов заметил сразу, едва вышел из машины. У нее был трогательно доверчивый взгляд, как у маленькой девочки, потевшей в толпе родителей. Невольно хотелось ее утешить и проводить до самого дома. Может быть, купить по дороге мороженого.

И еще она была очень красива. В свои тридцать шесть лет Курносов считал себя занятым ловеласом, достаточно повидавшим, но красота девушки даже его не оставила равнодушным.

На вид ей было не больше двадцати восьми лет. Курносов считал этот возраст самым лучшим для женщины – до увядания еще далеко, но с иллюзиями и жеребьичьим оптимизмом юности уже покончено. Многие приятели западали на восемнадцатилетних, но он предпочитал иметь дело с более зрелыми женщинами. Даже шлюха, если ей всего восемнадцать лет, порой способна на самые наивные фантазии.

Блондинка не была похожа на шлюху. Да и тот факт, что стояла она на автостоянке возле дверей закрытого ночного клуба, рассчитанного только на посвященных и поэтому не имеющего абсолютно никакой вывески и прочей рекламы, говорил в ее пользу – шлюх здесь не приветствовали. Охрана на это имела четкие инструкции.

Курносов попытался угадать, какой из автомобилей, стоящих на площадке, принадлежит незнакомке, но так и не смог этого сделать.

Курносова окликнули. Он махнул рукой приятелям, давая понять, что сию минуту нагонит их, а сам повернул в сторону одинокой блондинки. Никакого четкого плана у него не было, просто Курносов не смог удержаться от соблазна перекинуться с ней словечком. В случае удачи он преподнес бы приятелям эффектный сюрприз, появившись за холостяцким столиком с роскошной незнакомкой, – Курносов обожал подобные сюрпризы.

Курносов был человеком небедным и в своей сфере достаточно влиятельным. Он занимался аптечным бизнесом и поставками медицинского оборудования – компания действовала в Москве и вокруг нее. На стене в его офисе висела специальная карта европейской части страны, на которой Курносов не без тайного тщеславия отмечал флажками границы своей, как он выражался, «экспансии». Границы расширялись неуклонно, но, на взгляд Курносова, слишком медленно. Он давно усвоил главный закон бизнеса – капитал должен непрерывно увеличиваться. Остановка равносильна гибели. Кругом было столько желающих занять его место!

Поэтому именно дело отнимало в последнее время у Курносова все силы, и все меньше времени оставалось у него на развлечения. Вот и сегодняшний вечер он проводил легкомысленно только на посторонний взгляд. На самом деле Курносов налаживал нужные связи. Совмещал приятное с полезным.

Совсем недавно сменился министр медицинской промышленности. Естественно, поменялась и вся его команда. Может быть, в какой-то другой стране это в порядке вещей, но российский предприниматель в таких случаях держит ухо востро – без чиновника ни одно дело не тронется с места. Льготы, квоты и прочие приятности – все в их руках. Поэтому Курносов прежде всего начал искать пути в коридоры обновившегося министерства.

И тут выяснилось, что вместе с сыном министра – Виталием Панченко – Курносов заканчивал школу, притом учились они в одном классе. В самом этом факте ничего, конечно, особо обнадеживающего не было, но когда у тебя за плечами такой опыт общения с людьми, любое лыко в строку. Якобы нечаянная встреча, хороший обед в хорошем ресторане, дорогой пода-

рок, разговор за жизнь, то-се – глядишь, старая дружба и ожила. Главное, убедить бывшего одноклассника, что ты и сейчас можешь быть ему полезным, что он только выгадает, общаясь с тобой.

В случае с Виталием Панченко это оказалось совсем не трудно. Он не слишком изменился за все эти годы – рыхлый, флегматичный, не отличающийся ни способностями, ни характером, он держался на плаву только благодаря своему папаше, который хотя и был немолод, но карьеру строил с энергией и пылом молодого. Сына он, впрочем, по-своему любил, хотя и сожалел, что наследничек не в него.

Так или иначе, но водить дружбу с младшим Панченко стоило. Ведь, кроме всего прочего, он и сам занимал приличную должность в министерстве, которое возглавлял отец. Правда, к своим обязанностям он относился с прохладцей, без надлежащей хватки, предпочитая плыть по течению. Он и в семейной жизни был таков. Первая его женитьба была очень неудачной и вызвала возмущение всей семьи. В минувшие времена такие браки было принято называть мезальянсом. Старшему Панченко пришлось приложить немало усилий, чтобы заставить сына решиться на развод. Еще больше стараний ему потребовалось приложить, чтобы организовать новую женитьбу своему инертному отпрыску. Но зато теперь его старания были вознаграждены сторицей – невеста, дочь маршала авиации, была из безупречной семьи, хороша собой и вполне самостоятельна – в свои тридцать лет она входила в совет директоров одной солидной компании, играла там едва ли не главную роль. Курносов навел справки – компания занималась экспортом авиатехники. Должно быть, сказывались гены.

Трудно было понять, чем такую женщину заинтересовал Виталий Панченко, но, может быть, именно такой муж ей и требовался – безропотный, постоянно взирающий на жену снизу вверх. Так или иначе, но свадьба была уже делом решенным. До нее оставалась ровно неделя, и сегодняшняя пирушка являлась чем-то вроде мальчишника.

Ничего особенного: кроме самого Панченко и самого Курносова, в веселье принимали участие еще двое – какой-то министерский сослуживец Виталия по фамилии Астахов, еще более вялый, чем он сам, и, видимо, оттого и выбранный в друзья, да Геннадий – двоюродный брат Виталия, журналист-международник, тип веселый и циничный до неприличия.

Странноватая, если разобраться, компания. Но, в сущности, Виталия понять было можно – предстоящая женитьба пугала его до судорог. Он только хорохорился внешне, но в душе понимал, что цепи надевает на себя неподъемные, и оттого тосковал без меры. Он и выпил сегодня необычно много, чего почти никогда себе не позволял. Видимо, и компанию потому собрал именно такую – снисходительную.

Курносова компания не смущала – сейчас ему важнее всего было сблизиться с бывшим одноклассником, настолько сблизиться, чтобы его мог считать своим и старший Панченко. Чтобы не вызвало удивления ни его появление на будущей свадьбе, ни в доме Виталия, ни в кабинетах министерства – последнее было особенно желательно, ради этого все и затевалось.

Для этого Курносов должен был доказать свою необходимость и преданность. Лучше всего, если бы старому приятелю светила бы сегодня небольшая неприятность. Не слишком большая, какой-нибудь скандалчик в публичном месте. А Курносов бы его выручил, будучи рядом, предотвратил бы неприятные последствия. И хорошо, если бы об этом узнал министр. В крайнем случае, если ничего такого не случится, можно сделать вид, что случилось. Ваш сын прошелся по лезвию бритвы, но я был рядом. Настоящий друг всегда рядом.

Какую роль в этих планах должна была сыграть очаровательная блондинка, Курносов не знал, но чувствовал, что сыграть может. Вокруг женщин всегда присутствует ореол скандала, особенно вокруг красивых. Этот туха Виталий наверняка купится на ее красоту и выкинет какое-нибудь коленце.

Незнакомка посмотрела на Курносова без страха и, как ему показалось, даже с какой-то надеждой. У нее были чудные темные глаза с поволокой и хорошая улыбка.

– Добрый вечер! – произнес Курносов, останавливаясь в двух шагах от женщины. – Ваше лицо показалось мне знакомым. Мы не встречались с вами раньше?

Женщина рассмеялась.

– Странно в таком месте встретить человека, который так банально знакомится, – ответила она мягким грудным голосом. – Хорошо хоть, что вы не спросили у меня, который час... Но, раз уж у вас такая плохая память, могу уверенно сказать, что никогда раньше мы с вами не встречались, увы!

– А все-таки мне кажется, что вы ошибаетесь. Где-то я вас точно видел! – настаивал Курносов. – Такое лицо, как у вас, невозможно забыть.

Комплимент был не слишком находчивый, но женщине он, кажется, все-таки понравился. Правда, Курносов вовсе не лукавил, когда говорил, что лицо женщины ему знакомо. В глубине души он был в этом уверен – где-то он видел ее раньше. Почему не познакомился – это было загадкой. Обычно Курносов обязательно знакомился с понравившейся женщиной. Какие-то обстоятельства ему помешали. Но теперь ошибка будет исправлена.

– Если бы вы назвали свое имя, я бы попытался вспомнить, где мог вас видеть, – торопливо добавил Курносов. – Меня, кстати, зовут Анатолием Владимировичем. Вы меня не должны опасаться. Я серьезный положительный человек, солидный бизнесмен.

– Но я вовсе вас не боюсь, – немного удивленно сказала женщина. – С чего вы взяли? Просто мы никогда раньше не встречались, Анатолий Владимирович! Мое имя может, конечно, вам тоже показаться знакомым, но это ничего не значит... А зовут меня... Друзья зовут меня Аленой.

– Чудесное имя! – восхитился Курносов. – Просто как в сказке. Теперь я точно вижу, что не был с вами знаком. Но ведь теперь мы познакомились, верно? И, скажу честно, мне тоже хотелось бы стать вашим другом и звать вас Аленой...

– Вы правы – мы действительно познакомились, – улыбнулась Алена. – Но что же из этого следует?

– Мы могли бы отметить факт нашего знакомства! – напыщенно сказал Курносов. – Если у вас нет на примете ничего лучшего, я бы рискнул предложить вам посидеть в отличном ресторане. Знаете, это очень солидное место. Сюда кого попало не пускают. Я познакомлю вас с моими друзьями. Очень интересные люди – работники министерства, журналист-международник...

– Очень заманчивое предложение, – опять улыбнулась Алена. – Я-то думала, что это обычная забегаловка... Шучу! Но дело в том, что я жду своего жениха...

– У вас есть жених? – воскликнул Курносов. – Печальная новость! Я очень огорчен. Но предложение свое не снимаю. Ведь это безобразие, что такой очаровательной женщине приходится ждать на улице! Может быть, мы просто сообщим обслуге, где мы находимся, и ваш жених нас разыщет? Его здесь знают?

– Я думаю, – ответила женщина. – Но, скажу вам по секрету, он не любит привлекать к себе внимания. Он офицер, служит в одной специфической конторе...

– О! Понимаю, – сказал Курносов. – Наша служба и опасна и трудна. Но я бы предостерег вас! – шутливо добавил он. – Подумайте хорошенько, прежде чем дадите согласие выйти замуж за такого человека. У него никогда не будет хватать времени на личную жизнь! Видите, он уже сейчас опаздывает!

Алена вздохнула.

– Вы правы, к сожалению! – согласилась она. – Но ведь женщина должна быть опорой мужчине, разве не так? Хранительницей очага. Пока он делает свое трудное и опасное дело...

– Вы не только красивая, вы еще и удивительная женщина! – воскликнул Курносов. – Сейчас немногие придерживаются таких взглядов на супружескую жизнь. Каждый тянет одеяло на себя.

– Вы знаете это по собственному опыту? – лукаво прищурилась Алена.

Курносов почувствовал, что находится на правильном пути, и его не нужно было тянуть за язык.

– К сожалению, – подтвердил он печально. – Моя личная жизнь не удалась. Впрочем, не хочется никого винить. Наверное, не каждому попадаете такая женщина, как вы.

– Поздравляю, – сказала Алена. – Должна заметить, что мужчины, у которых хватает мужества не винить во всем женщин, попадают тоже не часто. Но вы преувеличиваете мои достоинства. Я понимаю, это дань вежливости...

– Это чистая правда, – заверил ее Курносов. – С вами чувствуешь себя удивительно легко, будто знаешь вас сто лет. А вы еще говорили, что мы незнакомы!

– Сто лет! – покачала головой Алена. – Неужели я так старо выгляжу?

– Я, кажется, опять что-то не так сказал? – забеспокоился Курносов. – Знаете, в таких случаях я всегда теряюсь и несу неизвестно что. Вы должны меня простить.

– Вы ужасный притворщик, – заметила Алена. – Но вы мне нравитесь. Мне кажется, вы обязательно встретите женщину, с которой вам повезет... Но сейчас вам нужно поторопиться. По-моему, ваши друзья уже ушли?

– Оставить вас здесь? Ни за что! – горячо воскликнул Курносов. – Но, может быть, мы действительно к ним присоединимся? Кстати, один из моих друзей скоро тоже женится. К свадьбе уже все готово, осталось только решиться, ха-ха!

– И кто же этот счастливец? – спросила Алена.

– Это сын министра, – понижая голос, сказал Курносов. – Я могу вас с ним познакомиться...

– Настоящего министра? – изумилась Алена. – Но это действительно интересно. Я никогда не видела живого министра!

– Сам он пока не министр, – поправил Курносов. – Всего лишь сын. Но кто знает, что ждет его в будущем? Может быть, ваши слова окажутся пророческими?

– Наверняка, – кивнула Алена. – Но сегодня вы меня по-настоящему заинтриговали. Считайте это женским любопытством, но я согласна разделить компанию ваших друзей... Совсем ненадолго! – поспешно добавила она.

– Разумеется, как вам будет угодно, – сказал Курносов, чрезвычайно довольный. – А на входе мы предупредим, чтобы ваш жених мог без труда вас найти, когда появится...

– Не стоит, – решительно ответила женщина. – Судя по всему, сегодня он уже точно не появится. Наверняка его опять задержали дела. Служба! Я уже почти привыкла к этому.

Они поднялись на третий этаж, в ресторан, отделанный в духе старины – гобелены на стенах, свечи в золотых подсвечниках, бесшумные официанты в белоснежных манишках. Появление красавицы произвело небольшой фурор, на который, собственно, и рассчитывал Курносов. Момент триумфа ему немного отравил лишь тот факт, что Алена с самого начала держалась ровно со всеми участниками застолья, никак не выделяя самого Курносова. Это было досадно, но он решил, что еще успеет наверстать свое.

Не слишком обеспокоило Курносова и рвение мужской части компании, которая после краткого представления незнакомки и лобзания ее ручки принялась наперебой состязаться в остроумии и стараться привлечь внимание красавицы. Ожил даже ничтожный приятель Панченко – Астахов. А циник Геннадий лез из кожи вон. Он с места в карьер принялся рассказывать о своем последнем вояже в Италию, не давая никому рта раскрыть.

Курносов на это только загадочно улыбался. Он был уверен, что никто из присутствующих не сможет составить ему конкуренцию в мастерстве обходиться с женщинами, и позволял им порезвиться сколько вздумается. За Виталием он даже наблюдал с интересом. Едва в компании появилась женщина, тот отбросил свой обычный флегматичный тон, приосанился и из всех сил старался овладеть вниманием красавицы с платиновыми локонами.

Алена была со всеми любезна, но вряд ли ее по-настоящему могли заинтересовать плоские остроты Астахова или напыщенные и желчные рассуждения Геннадия. Пожалуй, с наибольшим интересом она поглядывала все-таки на Панченко. Магия человека, принадлежащего к сильным мира сего, несомненно манила ее. Курносов вполне разделял ее чувства. Теперь он пытался сообразить, как эти чувства можно использовать в собственных интересах. Пока никакого остроумного решения не получалось. Да и сам Панченко не слишком старался перешагнуть грань, за которой чувства становятся открытыми. Пока все шло на уровне застольного флирта. Курносов называл это периодом распускания хвоста. Каждый мужчина в глазах этой женщины старался показаться значительнее, чем он есть на самом деле.

Геннадий, например, предложил отметить появление Алены каким-то коллекционным вином с мудреным названием, подчеркнув, что подобным вином в Италии принято встречать самых почетных гостей. В его устах иностранные слова звучали особенно аппетитно и внушительно. В темных глазах Алены мелькнуло уважение. Этого Курносов уже не мог стерпеть. Сдержанно посмеиваясь, он сказал:

– Я человек простой, вырос, можно сказать, на улице... В советской подворотне. Все эти «шато», «шабли» для меня – пустой звук. Но раз Геннадий дает гарантию, что это хорошо, я готов оплатить. Может быть, когда-нибудь и я выучусь всем этим заморским штучкам, а если не получится, придется нанять хорошего учителя...

Таким образом Курносов сразу давал понять, кто за этим столом имеет действительный вес, а кто – просто пускает пыль в глаза. Весь сегодняшний вечер оплачивал он – из своего кармана. Прекрасной Алене нелишне будет об этом знать.

Впрочем, Виталий при всей своей вялости был все-таки не лыком шит. Знаки внимания он принимал как должное, может быть, догадываясь, что за ними стоит вовсе не бескорыстие. Более того, он давал как бы понять, что в компании именно он – главное лицо. Курносов не любил себя обманывать и мысленно вынужден был согласиться, что в каком-то смысле так оно и есть.

Между тем официант принес вино и разлил его по бокалам. Алена слегка пригубила и похвалила. Геннадий опять начал усердствовать, сыпать комментариями и историческими ссылками. Этот человек глотка не мог сделать, не приправив его острым словцом. Курносову вино не очень понравилось. Он не кривил душой, когда говорил, что остался простым человеком. В сущности, так оно и было. И вкусы его были простыми. Всем изыскам он предпочел бы самую обыкновенную русскую водку. Но надо было держать марку.

Алена не сводила темных влажных глаз с Виталия, и это чрезвычайно того волновало. Он сделался необычайно речист, поминутно тянулся толстыми губами к руке Алены и заверял ее, что более красивой женщины не встречал за всю жизнь. Потеряв голову, он выпил лишнего и сделался чересчур откровенным.

– Вы не представляете, какой я осел! – заявил он наконец. – Если бы я встретил вас чуть-чуть пораньше! Может быть, вся моя жизнь повернулась бы по-другому!

– Не поняла вас, – прищурилась Алена. – Что вы имеете в виду?

– Ну-у... – замялся Панченко. – Все могло бы быть другим. Я знаю, Анатолию это не понравится, но я скажу откровенно – я непременно отбил бы вас у него!

– Вот новости! – засмеялась Алена. – Мы с Анатолием Владимировичем познакомились всего полчаса назад. Так что при всем желании вы не смогли бы отбить меня у него ни месяц, ни год назад.

Панченко обалдело посмотрел на женщину, потом на Курносова и пораженно воскликнул:

– В самом деле? Ах, я дурак! Но тогда я бы не рекомендовал вам иметь дело с этим человеком, – он погрозил Курносову пальцем. – Он известный сердцеед. Он вас обманет. Будьте осторожны.

– Меня нелегко обмануть, – серьезно ответила Алена. – Я чувствую хорошего человека за версту.

Панченко хватил залпом целый бокал коллекционного вина.

– Ну, а вот скажите, каким вы видите меня? – вдруг запальчиво сказал он. – Я хороший человек? Или нет? Для меня это принципиальный вопрос.

Алена ответила не сразу. Она словно присматривалась некоторое время к сыну министра, а потом необычайно задушевным тоном произнесла:

– Мне кажется, вы очень хороший человек.

Виталий победоносно вздернул подбородок и обвел всех помутневшими глазами. Курносов вдруг со всей ясностью понял, что эта женщина далеко не так проста и искренна, как ему показалось вначале, и ведет какую-то свою игру, смысла которой Курносов пока понять не мог.

– Я рад слышать вашу оценку, – заявил Виталий и уже совсем неприличным жалобным тоном поведал: – А ведь я женюсь! И только рядом с вами понял, какую ошибку я делаю! Ведь теперь я всю жизнь буду мучиться угрызениями совести...

– Извини, Виталий, – вмешался Курносов. – Ты, того, перебарщиваешь! Не стоит морочить Алене голову. Она может действительно подумать, что ты готов сбежать из-под венца... – Он обернулся к женщине и сказал: – Он просто расклеился. Нервничает, сами понимаете. Такое событие! Свадьба уже на носу. Платье для невесты уже готово – в Париже заказывали. У жениха в домашнем сейфе бриллиантовое кольцо редкой работы – свадебный подарок. Стоит как хороший загородный дом... – он засмеялся. – Но мужчине всегда страшно терять свободу. Это у нас в крови.

– Заткнись! – вдруг с досадой перебил его Панченко.

Взгляд его стал злым. Рука комкала салфетку. Курносов подумал, что ситуация все-таки вышла из-под его контроля. Панченко действительно нервничал. Наверное, предстоящая женитьба в самом деле страшила его. А тут еще эта женщина с таким мягким понимающим взглядом и проникновенным голосом. Все это плюс алкоголь могло дать самые непредсказуемые результаты. Курносов решил обратить все в шутку.

– Все нормально, старик! – сказал он добродушно. – Я не хотел тебя обидеть. Если что-то не так сказал, извини!

Но Виталий даже не посмотрел в его сторону. Он бросил на Алену странный взгляд – как утопающий на спасительный берег – и вдруг встал из-за стола.

– С меня хватит! – неожиданно грубо сказал он. – Повеселились. Я ухожу.

Его двоюродный брат саркастически поднял брови и невозмутимо сунул в рот сигарету. Астахов поспешно вскочил. Но Виталий остановил его раздраженным жестом и решительно направился к выходу – грузноватой, слегка косолапой походкой.

– Извините, – сказала Алена и неожиданно быстро вышла из зала следом за Виталием.

Хорошее настроение у Курносова мгновенно улетучилось. Все развалилось в один миг. Вечер, который так хорошо начинался и обещал принести ему дивиденды, был безнадежно испорчен. Он махнул рукой, подзывая официанта, сухо обронив Геннадию и Астахову:

– Пожалуй, действительно пора закругляться... Я ухожу тоже.

Он щедро расплатился и поспешно покинул ресторан. В душе еще теплилась надежда, что он успеет нагнать Алену. Курносов не сомневался, что именно в этой женщине была главная причина разлада, в странном обаянии ее личности. Она умела заводить мужчин, ровным счетом не прилагая для этого никаких усилий. Курносов тоже попал под это обаяние, и, несмотря на всю досаду, его влекло к Алене.

Но, выйдя на улицу, он не обнаружил ни Алены, ни Виталия. Он только успел заметить красные огоньки отъезжающего «Мерседеса», на котором приехал Панченко. Курносов готов был поклясться, что Виталий уехал на нем не один.

Глава 2

Старшего оперуполномоченного по особо важным делам Льва Ивановича Гурова начальник вызвал к себе в кабинет сразу, едва появившись в главке. Потребовал к себе и напарника Гурова, с которым тот делил кабинет, – Станислава Крячко.

Явившись «на ковер», сыщики сразу поняли, что генерал чем-то взволнован или, скорее, раздосадован. Он не сидел на месте, а мерил кабинет широкими шагами и сердито хмурил брови.

Тех двоих, что стояли сейчас перед ним, генерал с полным правом мог назвать не только лучшими сотрудниками, но, пожалуй, и соратниками, и друзьями тоже. Именно им Орлов доверял без оглядки. И они платили ему той же монетой. Поэтому отношения между ними зачастую перешагивали рамки служебных отношений.

– Можете дымить, – разрешил генерал, когда все уселись, и первым подал пример, закуривая.

Крячко с удовольствием полез в карман за сигаретами. Гуров курил редко и сейчас предпочел воздержаться. Он только слегка улыбнулся и проницательно спросил:

– Выкладывай, для чего позвал, Петр! Не для того же, чтобы мы тебе кабинет табаком провоняли. Вообще никогда не понимал, зачем нужны длинные вступления и предисловия. По-моему, от них один вред. Не разбегайся, прыгай!

– Ладно, – пожал плечами Орлов. – Обойдемся без предисловий. Нужно найти одного человека. По возможности в кратчайшие сроки, по возможности без огласки и с максимальной эффективностью. Я понятно излагаю?

– Одного найти не проблема, – заявил Крячко, с наслаждением затягиваясь сигаретой. – Это как в старом анекдоте – как поймать десять тигров? Поймать двадцать и десять из них выпустить! Вот только что следует понимать под максимальной эффективностью? Шкуру не попортить, что ли?

В отличие от Крячко Гуров сохранял полнейшую серьезность. Он пропустил замечание насчет тигров мимо ушей и, внимательно посмотрев в глаза генералу, неторопливо спросил:

– Что за человек? Координаты? Конкретные сроки?

Высокий, широкоплечий, подчеркнуто элегантно одетый, с красивой проседью в волосах, Гуров являлся полной противоположностью своему другу Станиславу. Можно было сказать, что они оттеняли друг друга.

Генерал откинулся в кресле, показывая, что вопросы Гурова ему понятны. Понятны, но отнюдь не приятны.

– Тут такая штука, – озабоченно произнес он. – Позавчера вечером в закрытом клубе «Палитра», что в Староконюшенном переулке...

– Что-то я такого не знаю, – вставил Стас.

– Он открылся не так давно, – сказал генерал, сверкнув глазами. – И такую шуштуру, как ты, туда не пускают. Собирается там элита – политики, крупные бизнесмены. Практически самых-самых там не бывает. Клуб пока не слишком популярен. Можно сказать, посещает это место элита средней руки. Ну так вот, позавчера вечером там появился Виталий Андреевич Панченко, сын министра медицинской промышленности, кстати, работник того же министерства. Занимает там немалый пост. Был он в небольшой компании, мужской... Но в клубе познакомился с неизвестной женщиной, назвавшейся Аленой. Не знаю, что там у них произошло, но из клуба домой он отправился вместе с этой женщиной. Будучи навеселе, прошу обратить внимание.

– На его месте я бы тоже веселился, – невинным тоном заметил Крячко. – Если бы у меня папа был министр, я только бы и делал, что веселился.

– Ты помолчи! – оборвал его генерал. – Оставь свое зубоскальство. Дело серьезное. Наш министр положит мне мозги уже с раннего утра.

– Вот здарсьте! – удивился Стас. – А наш-то министр при чем? Или его сын тоже в компании присутствовал? Так он у него вроде не мальчик?

– Виталий Панченко тоже не пацан! – резко сказал Орлов. – Тридцать шесть лет, между прочим. А наш министр подключился неспроста. Они с Панченко-старшим приятели, смекаешь? Не мне тебе объяснять, что значат в нашем мире личные связи. Спрос будет самый серьезный, и не с вас, а с меня!

– Это все понятно, Николаич! – сочувственно заметил Гуров. – Давай ближе к сути. Насколько я понимаю жизнь, эта Аленушка устроила нашему братцу Иванушке какую-то подлянку, я не ошибся?

– Все знают, что полковник Гуров ошибается редко, – проворчал генерал. – Именно устроила. И такую подлянку, что сынок второй день лежит в предынфарктном состоянии, а отец-министр – он еще той закалки – доводит до инфаркта подчиненных. Дело в том, что у младшего Панченко на носу свадьба. И не с продавщицей из гастронома, как вы догадываетесь. Женится он на дочери маршала авиации Михайлевского. Это вам не гусь чихнул! Все по высшему разряду. Для невесты был уже и подарок приготовлен – бриллиантовое кольцо исключительно редкой работы, что-то коллекционное, я в этом не очень разбираюсь. Короче, кольцо это бешеных бабок стоит. И вот оно пропало. Вместе с сестрицей Аленушкой. Кое-какая мелочь пропала и кроме кольца – баксы, золотишко, но это все семечки. Без кольца свадьба может кончиться просто скандалом, улавливаете суть?

– Выходит, мошенница? – деловито осведомился Гуров. – Какие-нибудь ориентировки имеем? Кто-нибудь из наших старых знакомых?

– Знаешь, Лева! – проникновенно сказал Орлов. – Ситуация такая, что будь у меня ориентировки – сам бы побежал брать эту артистку, тебя бы беспокоить не стал. Все, что знаю, я тебе уже рассказал. Больше ничего не жди. Остальную информацию придется тебе самому добывать. Как ты будешь это делать, меня не интересует. Единственное пожелание – минимальная огласка. Важно не только отыскать пропажу, но сделать это так, чтобы о конфузе не проведала семья невесты. Знаю, знаю, что скажешь!.. Можешь считать это моей личной просьбой. Оба можете считать это моей личной просьбой! – закончил он, сверля Крячко пронзительным взглядом.

– Хорошо, – сдержанно сказал Гуров. – Принимается. Только с кем мы должны работать, Петр? Чтобы и огласки избежать, и информацией разжиться? Не к министру же идти!

– К министру, кстати, идти бесполезно, – заявил Орлов. – Он сегодня по государственным делам отбыл в Ставропольский край. Вернется через три дня. А дело вы будете иметь с его референтом. Вот тут мне дали его координаты, – генерал протянул Гурову листочек бумаги. – Говорят, толковый мужик. Посвящен во все проблемы и умеет держать язык за зубами. Он вам обеспечит и доступ, куда понадобится. Сами понимаете, просто так к этим людям в квартиру не попадешь.

– Да уж! – фыркнул, не удержавшись, Крячко. – Нашего брата мента в хороших домах не больно жалуют!

– И вот еще что! – строго добавил генерал. – Вы свои ментовские штучки при себе держите. Контингент это действительно специфический, подход нужен. А если понадобится помощь, обращайтесь в любой момент, отказа не будет.

– Можно вопрос? – подал голос Гуров, закончив изучать бумажку с координатами референта министра. – С этим толковым мужиком я должен тоже туры разводить? Или с ним можно по-человечески?

– Это сам установишь, на месте, – сказал Орлов. – Если действительно толковый окажется, можно и по-человечески.

– Задание понял. Можно приступать? – сказал Гуров, вставая.

– Нужно, Лева, нужно! – торжественно ответил генерал. – И напряги все ресурсы. Если через семь-десять дней колье не отыщется, скандал получится на всю Европу. Этот срок не я выдумал – дольше просто свадьбу откладывать не получится. Неизбежно возникнут подозрения.

– Вот попали, на ровном месте и мордой об асфальт! – ворчал Гуров, когда они с Крячко возвратились в свой кабинет. – На свадьбу вроде не собирались, а подарок ищи! Да еще и язык за зубами держи, понимаешь!

– Не болтай! Это старый лозунг, – напомнил Крячко. – Раньше у каждого в кабинете такой плакат висел. Грех жаловаться. Ты лучше подумай, кто из мошенниц с похожим почерком тебе на память приходит? Дело-то, может, выеденного яйца не стоит – обойдем всех подозрительных, где-то на колье и наткнемся. Если вещь коллекционная, ее так с ходу не продашь.

– Твоя правда, – согласился Гуров. – Да только одна заковыка – Петр, мне помнится, ничего про почерк не сказал. Исчезла Аленушка с ценными вещами, и все. А как там все было на самом деле, еще выяснять нужно. И хорошо бы приметы какие-нибудь. Мошенниц, сам знаешь, хватает, и народ они не робкий – на понт не возьмешь. Поэтому давай-ка звонить толковому мужику и договариваться с ним для начала.

– Как твоего толкового зовут-то? – поинтересовался Крячко.

Гуров заглянул в бумажку и поморщился.

– Моего! – сказал он возмущенно. – У меня референтов отродясь не было. Ты единственная кандидатура, которой я решительно даю отвод, ввиду ее несерьезности. А толкового мужика зовут Забуруев Роман Дмитриевич. Тебе это имя о чем-нибудь говорит?

– Ни имя, ни фамилия, – ответил Крячко. – Я, понимаешь, редкий гость в министерствах.

– Ничего, скоро эта несправедливость будет исправлена, – успокоил его Гуров, набирая номер телефона, указанного в записке. – Боюсь, скоро ты станешь там своим человеком. Особенно если научишься держать язык за зубами.

– Увы, по медицинским наблюдениям, горбатого способна исправить только могила, – притворно вздохнул Крячко.

Гуров предостерегающе поднял руку и заговорил по телефону. Судя по суховатому деловому тону, которым общался с ним референт министра Забуруев, он и в самом деле был мужиком толковым. Во всяком случае, вопросы он решал быстро и беспрекословно. Так, например, он сразу дал понять, что предположение Гурова, будто они с Крячко станут в министерстве своими людьми, не имеет под собой никакой почвы. Он вовсе не отказывался встретиться с оперуполномоченным, но ситуацию прояснил:

– Прошу меня извинить, но в министерство вам приходить не стоит, – категорически заявил он. – Давайте встретимся, так сказать, на нейтральной почве. Москворецкая набережная вас устроит? Я буду с кейсом в руках – белого цвета. Итак, договорились – через двадцать минут у моста.

Гуров уважительно покрутил головой, положив на рычаг загудевшую трубку.

– Да, этот слов не тратит! – сказал он. – Сразу взял управление в свои руки. Ну что ж, Станислав, отрывайся от стула. Через двадцать минут нас ждут на Москворецкой набережной.

На условленное место они прибыли немного раньше срока, но референт уже был там. Высокий, худощавый, с тщательно прилизанными редкими волосами на продолговатой голове. В руках у него сверкал белизной небольшой изящный кейс. Заметив Гурова с Крячко, он тут же пошел им навстречу и слегка поклонился при встрече.

– Добрый день, – сказал он, пытливо всматриваясь в лица сыщиков. – Не ожидал, что вас будет двое. Но, впрочем, это не имеет значения. Разрешите представиться – Забуруев Роман Дмитриевич. Конечно, вам известна моя фамилия. Но я предпочитаю, чтобы в делах была исключена малейшая неясность. Должен поставить вас в известность, что все полномочия по

работе с органами правопорядка в связи с этим прискорбным случаем Андрей Борисович возложил на меня, таким образом, я уполномочен ответить на все интересующие вас вопросы.

Сыщики назвали свои имена, а потом Крячко неожиданно спросил:

– А кто это – Андрей Борисович?

Забуруев остановил на нем холодный взгляд спокойных серых глаз и терпеливо разъяснил:

– Андрей Борисович Панченко – министр медицинской промышленности, мой непосредственный начальник.

– Ах, да! А я ведь чуть не забыл! – с невинным видом воскликнул Крячко, кажется наслаждаясь некоторым замешательством референта.

Гуров поморщился, глядя на то, как ребячится его напарник, и с преувеличенной вежливостью обратился к Забуруеву:

– Извините, Роман Дмитриевич, но я что-то не возьму в толк, каким образом вы собираетесь отвечать на наши вопросы. Разве вы имеете какое-то отношение к случившемуся?

Забуруев перевел взгляд на него и невозмутимо ответил:

– Непосредственного отношения я к случившемуся не имею, но располагаю некоторой существенной информацией. Андрей Борисович мне доверяет. Недостающую же информацию, если таковая понадобится, вы сможете получить у соответствующих лиц. Здесь имеются определенные трудности, поэтому я надеюсь, что, возможно, вы удовлетворитесь информацией, которую получите от меня...

– Не надейтесь, – усмехнулся Гуров. – Информация – это такая вещь, которой всегда недостаточно. А мы, менты, вдобавок еще и любопытный народ. Все норовим поговорить с очевидцами да с потерпевшими...

– Понимаю, – наклонил голову Забуруев. – Но, может быть, сначала выслушаете меня? Предварительный разговор необходим, хотя бы для того, чтобы мы с вами наметили курс. Не стоит вести корабль на камни, если их можно обойти, верно?

– Вы намекаете, что к людям, на которых вы работаете, требуется особый – может быть, щадящий подход? Вы это имеете в виду? – спросил Гуров.

– Что ж, можно сказать и так, – с облегчением согласился Забуруев. – Приятно иметь дело с понимающими людьми.

– Взаимно, – откликнулся Гуров. – Однако перейдем к делу. Так что же вы лично можете сказать о случившемся?

Забуруев с некоторым сомнением посмотрел в сторону Крячко, одетого, по своему обыкновению, в старые джинсы и не слишком тщательно отглаженную рубашку, и сказал:

– Прежде всего хотелось бы предупредить о конфиденциальности, которую всем нам необходимо соблюдать...

– Уважаемый Роман Дмитриевич! – решительно перебил его Гуров. – О том, что мы должны держать языки за зубами, нам уже все уши прожужжали! Давайте не будем начинать сначала. Когда я прошу говорить по делу, я именно это и имею в виду. Ваша забота о репутации шефа весьма трогательна, но она, по-моему, несколько запоздала. Неприятность уже случилась. Давайте действовать, если хотите помочь своему шефу по-настоящему. Кстати, вы сейчас выступаете от имени Андрея Борисовича или Виталия Андреевича тоже?

– Скажем так, от обоих, – ответил Забуруев, проглотив пилюлю. – Но возьму на себя смелость заявить, что в данном случае позиция Андрея Борисовича более адекватна. Между нами говоря, Виталий Андреевич еще не пришел в себя после случившегося. Может быть, не следовало бы так говорить. Но он сейчас пребывает в состоянии, близком к истерике. Да и, надо признать, положение, в котором он оказался, весьма незавидное. Вы знаете, через неделю должна была состояться его свадьба с одной весьма влиятельной особой...

– Нам известно это, – подтвердил Гуров. – Как ее зовут, кстати? Ее отец – маршал Михайлевский... он – действующий маршал?

– Да, он служит в Генеральном штабе, – с почтением произнес Забуруев. – Дочь занимается бизнесом, и очень серьезным. Она в фирме, которая занимается экспортом авиационной техники. Зовут ее Лидия Степановна Полежаева. Не удивляйтесь, она уже была замужем и предпочла оставить фамилию мужа. Он у нее трагически погиб, но подробностей я не знаю. Возвращаясь же к нашей теме, надо отметить, что главная неприятность связана именно со свадьбой. Дело в том, что подробности торжеств, подарки и прочее обговаривались заранее и, можно сказать, утверждались почти на официальном уровне всеми будущими родственниками. Что подделаешь, деловые люди... У них свои обычаи, – Забуруев улыбнулся, словно обычаи начальства казались ему действительно забавными. – Теперь подарок для невесты – бриллиантовое кольцо, стоимостью около четверти миллиона долларов, исчезло при весьма неприятных обстоятельствах. Пропажа, согласитесь, сама по себе существенная, а тут еще несколько пикантный подтекст... Шеф был крайне раздражен. Он сразу обратился к вашему министру. Они в приятельских отношениях. Возможно, это поможет избежать огласки. Хотя, конечно, на каждый роток не накинешь платок... Но ведь если постараться провести расследование оперативно, можно избежать совсем уж катастрофических последствий, правда? – он с надеждой уставился на Гурова.

– Не хотелось бы давать опрометчивых обещаний, – сказал Гуров. – Расследование должно на чем-то базироваться. Пока мы с вами даже не восстановили картину происшедшего. Вы все время ходите вокруг да около...

– Ну что ж. Перехожу к событию непосредственно. Позавчера, двадцатого то есть мая, Виталий Андреевич решил слегка развеяться. Это был вечер в мужской компании, что-то вроде мальчишника, вы меня понимаете? В преддверии будущей несвободы, так сказать...

– И часто Виталий Андреевич слегка развеивается? – спросил Гуров.

Референт покачал головой и ответил уверенно:

– Совсем нечасто. То есть выпить он себе, конечно, иногда позволяет, но предпочитает делать это в домашней обстановке. Виталий Андреевич по характеру, скорее, сибарит семейного склада, чем завсегдатай ресторанов. Позавчерашний случай был исключением. Хотя у вас, возможно, создалось обратное представление. Но это не так, уверяю вас.

– Вы опять свернули на свою любимую тему, – поморщился Гуров. – Мы не собираемся обсуждать моральный облик потерпевшего. О привычках Виталия Андреевича я спросил, чтобы иметь более полное представление о его связях. Понимаете, когда человек часто мелькает в определенных местах, на него обращают внимание – злоумышленники в том числе.

Забуруев протестуя взмахнул рукой и сказал:

– Нет-нет, это не тот случай! Виталий Андреевич бывал в «Палитре» и прежде, но назвать эти посещения регулярными никак нельзя.

– Ну, хорошо, – сдался Гуров. – Расскажите, что вам известно о сути происшедшего.

– О сути мне известно то, что считал нужным сообщить мне министр, – важно заявил Забуруев. – В компании, с которой Виталий Андреевич проводил время, вдруг появилась некая женщина. Воспользовавшись доверчивостью Виталия Андреевича, она проникла в его квартиру...

– То есть как проникла? – не удержался Стас. – Она вскрыла дверь? Или похитила ключи? На лице референта не дрогнул ни один мускул.

– Наверное, я выразился не совсем точно, – поправился он. – Действительно, Виталий Андреевич сам привел ее к себе домой. Но следует учитывать, что в этот момент он был слегка навеселе и не мог полностью контролировать свои действия. Вот это я и имел в виду, когда говорил «проникла». В сущности, это было проникновение с преступными намерениями, не так ли?

– Пусть будет так, – сказал Гуров. – Итак, она проникла. Что было дальше?

Забуруев впервые по-настоящему замялся.

– Боюсь, на этом все, – неожиданно сказал он. – Подробностей мне никто не сообщал. Министр был очень сердит. Он был вне себя от гнева и не пожелал распространяться на эту тему. Мне известно лишь, что эта женщина вынесла из квартиры кольцо, немного денег и еще кое-какие драгоценности.

– Вам известно, кто был в компании с Виталием Панченко в тот вечер? – спросил Гуров.

– Да, у меня имеются такие сведения, – наклонил прилизанную голову Забуруев. – Было еще трое: двоюродный брат Виталия Андреевича – Геннадий Канунников...

– Геннадий Канунников – это не тот, который пишет репортажи о событиях за рубежом? – поинтересовался Гуров.

– Совершенно верно. Еще был сослуживец Виталия Андреевича – Астахов Сергей Григорьевич. Тоже работник министерства, занимает должность заместителя начальника одного из отделов. Человек тихий и законопослушный. В министерстве на хорошем счету.

– Я рад за него, – сухо сказал Гуров. – Вы говорите, был еще четвертый?

– Был. Курносов Анатолий Владимирович. Некогда они с Виталием Андреевичем вместе заканчивали школу. Долгое время не встречались, но в последние полгода стали видаться довольно часто. Курносов – бизнесмен. Занимается реализацией медицинской аппаратуры. Полагаю, что он разыскал старого друга не только из сентиментальных соображений. В первую очередь им двигали деловые соображения – я в этом уверен. Андрей Борисович, кстати, тоже придерживается того же мнения, – референт презрительно искривил губы. – Простите за грубость, но он пообещал господину Курносову голову оторвать, если еще раз его увидит. Ведь, кроме всего прочего, именно он познакомил Виталия Андреевича с этой женщиной...

– Вот как? – воскликнул Гуров. – Это уже интересно! Роман Дмитриевич, у вас наверняка есть координаты господина Курносова – попрошу сообщить их нам немедленно. Мой напарник займется этим человеком. А мы с вами должны обязательно навестить самого Виталия Андреевича. Где он сейчас находится?

Забуруев открыл свой белоснежный кейс и извлек оттуда тоненькую прозрачную папочку с единственным листком бумаги.

– Я посчитал нелишним заготовить адреса, телефоны и еще некоторые сведения о лицах, присутствовавших двадцатого мая в ресторане клуба «Палитра». Я решил, что они вам понадобятся, – с затаенной гордостью сообщил он. – Передаю их в ваше распоряжение.

– Замечательно! – похвалил Гуров, принимая бумагу. – Завидная предусмотрительность, Роман Дмитриевич!

– Там указаны домашний и служебный адреса Курносова, – сказал референт. – А Виталий Андреевич в настоящий момент находится в загородном доме своего отца, по Рублевскому шоссе. У меня есть указания сопровождать вас, если возникнет необходимость встречи.

– Считайте, уже возникла, – заявил Гуров и, оборачиваясь к Крячко, добавил: – Возьми адрес Курносова и навести его. Осторожно расспроси насчет злосчастного вечера. Не запи-сывай сразу в подозреваемые. Если человек имел в виду какие-то материальные выгоды от дружбы с семейством министра, вряд ли он стал бы начинать с кражи драгоценностей. Скорее всего тут другое. Особенно тщательно расспроси про женщину.

– Ладно, Лева, умерь пыл, – усмехнулся Крячко. – Не стажера натаскиваешь. Сделаем все на высшем уровне.

– А мы с Романом Дмитриевичем навестим потерпевшего, – сообщил Гуров. – Когда закончим, встречаемся в главке. Вы сможете поехать прямо сейчас, Роман Дмитриевич?

– Сегодня я в полном вашем распоряжении, – сообщил Забуруев.

Глава 3

Следует отдать должное господину Забуруеву – он обо всем позаботился заранее. Никаких проблем с посещением загородного дома министра у Гурова не возникло. Правда, прежде чем они с референтом попали в строго охраняемый поселок, их машину останавливали на трех кордонах и придирчиво проверяли документы. Но у Забуруева были наготове необходимые пропуска, и все сошло как нельзя лучше.

Последней преградой был глухой каменный забор и железные ворота вокруг особняка, утопавшего в зелени вековых сосен. Пока Забуруев общался с обитателями дома через переговорное устройство, Гуров вышел из машины и с наслаждением вдохнул свежий, пахнущий смолой воздух.

– Хорошо тут у вас! – невольно вырвалось у него.

Референт внимательно посмотрел на него и сказал с некоторой обидой:

– У кого это «у вас»? Мне приходится тут бывать почаще, конечно, чем вам, но только по служебной необходимости. Так что «у вас» – это не ко мне. Рылом не вышел!

– Ну, у вас все еще впереди, – добродушно заметил Гуров. – Кто знает, может, вас ждет блестящая карьера? И потом, все-таки вы здесь свой человек. Это я незваный гость.

– Почему незваный? – не принял шутки Забуруев. – О вас позаботились. Незванным гостям пропуска не выписывают.

Пока они беседовали подобным образом, ворота открылись – совершенно бесшумно, – и посетителей встретил человек в строгом костюме, при галстукке, с ослепительно белоснежными манжетами, выглядывавшими из рукавов. Гуров сам предпочитал строгий стиль в одежде, но вынужден был признать, что здесь, вне столичной суеты, на фоне густых сосен, дачной тишины и голубого неба, наряд этого человека выглядит неоправданно официально. Видимо, министр был строг и держал свою службу в ежовых рукавицах.

Их провели через широкий двор мимо цветущих кустов роз, серебрящегося фонтана, яркого шезлонга, забытого кем-то на зеленой лужайке, и впустили в дом. Здесь человек в галстукке оставил их в комнате с окнами во всю стену, попросил немного подождать, а сам куда-то удалился. Впрочем, Гуров не успел обменяться с Забуруевым даже словом, как человек возвратился в компании мужчины, по небрежному виду которого можно было смело утверждать, что он к службе никакого отношения не имеет. Гуров догадался, что это и есть младший Панченко собственной персоной.

Панченко можно было дать лет сорок. У него было одутловатое бледноватое лицо с крупными чертами. Мягкая линия подбородка свидетельствовала о недостатке характера. Панченко был небрит и заметно нервничал. Одет он был в домашний халат и шлепанцы. Редкие волосы на голове были мокры и тщательно расчесаны. Видимо, сил у него хватило на единственную уступку правилам хорошего тона – причесаться, прежде чем встретиться с гостем.

Он поздоровался с Гуровым, стараясь держаться по-хозяйски, с видом барина, но в глазах его таилась тревога, и это от Гурова никак не могло укрыться.

– Здравствуйте, – сказал Гуров. – Если не ошибаюсь, Виталий Андреевич? Моя фамилия Гуров. Лев Иванович. Старший оперуполномоченный по особо важным делам. Звание мое – полковник. Говорю это потому, что вижу в ваших глазах сомнение. Хочу, чтобы вы поняли – к вам прислали не лейтенанта из районного отделения милиции. Отношение к вам самое серьезное, поэтому я надеюсь на такую же серьезность с вашей стороны.

– Постараюсь, – пробормотал Панченко. – Вы, кстати, производите впечатление вполне порядочного человека. Когда отец сообщил мне, что сюда пришлют милиционера, я, каюсь, и в самом деле вообразил себе эдакого сутулого лейтенанта в нагуталиненных сапогах...

– Спасибо за комплимент, – иронически произнес Гуров. – Мне уже давно никто не говорил, что я похож на порядочного человека. А вы, похоже, действительно готовились ко встрече с каким-то крайне неприятным человеком. Откуда у вас такая неприязнь к лейтенантам милиции? Какие-то воспоминания юности?

– У меня была вполне благополучная юность, – с вызовом ответил Панченко. Он хотел добавить что-то резкое, но, поймав глазами ледяной взгляд Гурова, передумал. – Мне сейчас не до дискуссий о лейтенантах. Вы не представляете, в каком дерьме я оказался!

Тут он вдруг запнулся и с подозрением посмотрел на Гурова снизу вверх. «Наверное, сработал все-таки предохранительный клапан, – подумал Гуров весело, – свою подноготную выкладывать, – это не то что милицию ругать! Как дошло дело до откровенного разговора, так его и заклинило».

– Где мы могли бы спокойно поговорить, Виталий Андреевич? – спросил Гуров.

Панченко озабоченно оглянулся, словно попал в это место впервые и ничего тут не знал. Потом махнул рукой и раздраженно сказал:

– Роман Дмитриевич! Владимир Сергеевич! Вы можете быть свободны!

Забуруев и второй мужчина покорно вышли. Панченко посмотрел им вслед, потер ладню лоб, словно соображая, что теперь делать, и неожиданно предложил:

– Лев Иванович, может быть, выйдем наружу? Не возражаете?

– Как вам будет угодно, – ответил Гуров. – В принципе, не имеет значения, где задавать вопросы. А также отвечать на них. Лишь бы толк был.

Через какую-то боковую дверь Панченко вывел Гурова из дома и повел по аккуратной, выложенной каменной плиткой аллее к старым соснам, росшим на большей части территории, прилегающей к особняку. Земля под соснами была чисто выметена и освобождена от сухих веток и прочего мусора.

– Итак, я должен ответить на вопросы, – начал Панченко. – А знаете, вы были правы – это совсем нелегко. Пожалуй, я чувствую себя не в своей тарелке. Все это так сложно, так трудно объяснить... Боюсь, вы можете меня неправильно понять, а мне этого очень не хотелось бы...

– Это не в моих интересах – понимать вас неправильно, – заметил Гуров. – Мне нужна правдивая информация. Мне не нужны домыслы. А как раз там, где отсутствует информация, там появляются всякого рода домыслы, слухи. А это уже не в ваших интересах. Давайте действовать так, чтобы наши интересы совпадали. Я не стану вторгаться в ваши интимные проблемы, но картину происшедшего мне придется восстановить. Итак, что же произошло двадцатого мая? Референт вашего батюшки кое-что рассказал мне. Но это лишь эскиз, так сказать. Мне хотелось бы иметь картину очевидца.

– Очевидца, да... – пробормотал Панченко. – Хотел бы я быть очевидцем. Увы, я был самым непосредственным участником! Но, впрочем, это все лирика... Что произошло? Так кинули меня! Грубо и вульгарно кинули. Как последнего лоха.

– Это тоже лирика, Виталий Андреевич, – заметил Гуров. – Не отвлекайтесь. Чем конкретнее будут ваши сведения, тем вам самому будет легче их излагать. Я намеренно назвал вас очевидцем. Рассказывайте так, будто вы были очевидцем событий, и ничего более.

– Ладно, попробую. В общем, двадцатого мая мы решили немного выпить. Несколько приятелей, общение с которыми ни к чему не обязывает. Мой двоюродный брат-журналист, мой коллега по работе, мой бывший одноклассник. Называть фамилии?

– Фамилии мне известны. Можете упоминать их в ходе повествования – я не ошибусь.

– Прекрасно. Итак, мы немного выпили. Знаете, у меня скоро свадьба. Наверное, вам уже известно социальное положение моей невесты... Строго между нами – этот брак отнюдь не по любви. Можете относиться к этому как угодно, но это союз двух кланов, извините за пафос! Все оформлялось так же долго и торжественно, как если бы вступали в союз два государства. Вряд ли вы способны представить себе всю эту процедуру. Короче говоря, что касается лично меня,

ощущение такое, будто тебя отправляют послом в страну, где всегда жара и нужно постоянно носить галстук. Перед такой командировкой я позволил себе расслабиться, – Панченко криво усмехнулся.

– Я понял. Дальше.

– Мы были у Курносова, потом заехали на минуту ко мне, потом отправились в клуб «Палитра». Все было прекрасно. Нам ничто не угрожало. В «Палитре» с нами тем более ничего не могло случиться. Но, должен сказать, настроение у меня в тот вечер было не самое лучшее. Если вы вспомните, что я говорил насчет предстоящего брака, вы меня поймете.

– Уже понял, – сказал Гуров. – Прошу вас не отвлекаться. Что же было дальше?

– В момент, когда мы заходили в клуб, я был немного в эйфории, – признался Панченко. – В эдакой меланхолической эйфории. Боюсь, этот момент испарился из моей памяти. Но когда мы пришли в ресторан и сели за столик, появился Курносов и привел с собой женщину.

– Кто такая? Курносов объяснил, откуда она?

– В том-то и дело, что ничего не объяснил. Да мне показалось, что он сам ее только что подцепил. Только Курносов вообще-то мимо красивой бабы просто так пройти не может. Ну, и эту, видно, где-то тут же в клубе подцепил. Скорее всего. Назвалась она Аленой. Больше, разумеется, никаких паспортных данных у нее никто не спрашивал. По-моему, кто-то интересовался, где она работает, но она как-то ловко уклонилась от ответа. А меня, признаться, в тот момент все это не очень интересовало.

– А что вас интересовало, Виталий Андреевич?

– Ну, сами понимаете, – замялся Панченко. – Бывают такие женщины – как озарение. Вот смотришь на нее и думаешь – эх, черт подери, где же ты был раньше? Что-то было у нее в лице, в глазах – такая чертовщинка...

– Понятно, – сказал Гуров. – Чья была идея поехать к вам домой – ваша или этой женщины?

Панченко пожал плечами.

– Знаете, идеи как таковой не было. После того как она появилась за нашим столиком, мы еще немного выпили, и мы с Курносовым слегка поцапались. У меня вообще настроение стало ни к черту.

– Почему? – поинтересовался Гуров.

– Ну-у, не знаю, как это объяснить. Наверное, сильно нервничал в связи с женитьбой. А тут эта женщина. В конце концов, может у меня испортиться настроение? Короче, я вспылил и ушел из ресторана. Я просто не видел смысла в таком состоянии продолжать веселье. Это уже не веселье, а фарс получался... Ну, а на улице меня неожиданно нагнала Алена и принялась сочувствие выражать. Не помню точно, что она говорила, что я говорил... В общем, как-то так получилось, что мы сели в мою машину и поехали ко мне домой.

– Алена догнала вас одна? Рядом никого не было, не заметили?

– Мне думается, одна, – сказал Панченко. – Да и разговаривали мы совсем недолго. Потом мы приехали ко мне, я отключил все телефоны на всякий случай и... – Тут он замолчал, и на лице его появилась болезненная гримаса.

Гуров терпеливо ждал, пока Виталий Андреевич соберется с духом. Наконец тот снова заговорил.

– Я не буду вдаваться в подробности... Эта банальная история знакома любому мужчине. Основная моя ошибка была в том, что я открыл сейф и предложил Алене померить кольцо моей невесты... Ах, я кретин! Никогда себе не прощу этой глупости! Так лажануться!

– Ситуация, конечно, неприятная, – рассудительно заметил Гуров. – Но не стоит так убиваться. Не все еще потеряно. Такие вещи трудно быстро сбыть.

– Вы не понимаете! – с досадой воскликнул Панченко. – Дело не в вещи! Я же говорю, все расписано заранее. Моя невеста уже фотографировалась, надев это кольцо. Эта вещь имеет

краеугольное значение. Это как кирпич в стене дома. Не будет кирпича – будет зиять дыра. Как мы объясним исчезновение драгоценности? Родственники жены захотят узнать, что случилось. А если они выйдут на свидетелей моего легкомыслия? Получается, я сам надел на проститутку кольцо моей невесты! Такие вещи женщины не прощают – даже деловые женщины.

– Да, наверное, – согласился Гуров. – Но все равно отчаиваться не стоит. Вы мне лучше скажите, как случилось, что кольцо перешло к этой Алене? Она отняла его силой?

– Ну что вы! Просто... Просто мы занимались любовью, выпивали, дурачились. Она кривовалась в этом кольце, будь оно неладно! А потом я попросту уснул. Уснул как сурок! Ладно бы, если бы мне, как в криминальных романах, подмешали в вино клофелин! Нет, я заснул сам! Алена просто собралась и ушла.

– В доме есть охрана? – спросил Гуров. – Вы, кстати, где проживаете?

– У меня квартира на Новом Арбате, – сказал Панченко. – Охрана в доме есть. Но кто станет останавливать роскошную женщину, которая идет налегке – у нее была только маленькая сумочка – и обворожительно улыбается?

– Действительно, – пробормотал Гуров. – Но видеть ее могли. А скажите, кто из мужской компании знал о существовании кольца?

Панченко наморщил лоб и забормотал, вспоминая:

– Так, Геннадий не знал, это точно, он вообще только недели три как вернулся из Италии... Его сейчас вообще ничего не интересует, кроме собственных рассказов об Апеннинском полуострове... Астахов не знал. Таких людей в семейные секреты не посвящают... Курносов знал! В общих чертах. Я ему сам рассказывал, – Панченко пристально посмотрел на Гурова. – А вы полагаете, кто-то из них мог навести эту женщину? Сомневаюсь! Ведь все получилось спонтанно, экспромтом, и все могло сорваться из-за любой незначительной мелочи. Так грабежи, я думаю, не планируют. Да и зачем тому же Курносову? Я ему нужен для стабильности его бизнеса. Он из-за этого готов передо мной ковром стелиться, а тут ограбление! Нет, может, я рассуждаю по-дилетантски, но я не вижу смысла в том, что вы сказали!

– А я ничего и не сказал, – хладнокровно заметил Гуров. – Я только спросил у вас, кто мог знать о существовании кольца. Выходит, скорее всего, Алене о его существовании сообщили вы сами?

– Да вот и нет, – мрачно усмехнулся Панченко. – Сообщил-то как раз Курносов. В шутку. Мол, друг мой женится, кольцо уже для невесты куплено... После этого я и психанул. Я ведь понял, для чего он это сказал. Ему не хотелось эту Алену упускать. Она вроде на него внимания не обращала, а его это задевало...

– Значит, Курносов сообщил, что у вас имеется дорогое кольцо, и после этого вы с Аленой покидаете ресторан – почти одновременно – и едете к вам домой. Проводите вдвоем ночь, а под утро ваша партнерша исчезает, прихватив с собой кольцо...

– Плюс три тысячи долларов наличными и золотые запонки – подарок отца на день рождения, – добавил Панченко.

– Да, это мало похоже на спланированное ограбление, – задумчиво заключил Гуров. – Больше смахивает на игру в рулетку. Нашей приятельнице повезло, и она вытащила счастливый билет. Хотя вполне допускаю, что поначалу она хотела лишь поужинать в приличном месте. Но когда ваш приятель обмолвился о вашей будущей женитьбе и упомянул о свадебном подарке, эта деловая женщина решила рискнуть и, как мы видим, не прогадала. Сыграло свою роль и ваше меланхолическое, как вы выразились, настроение.

– Мне от ваших объяснений ничуть не легче, – буркнул Панченко. – Ну да, я совершил ошибку. Но, мне кажется, милиция для того и существует, чтобы искать преступников, а не читать мораль потерпевшим!

– Вот тут вы что-то путаете, уважаемый Виталий Андреевич. У меня и в мыслях не было читать вам мораль. Это не мой курятник. Я просто пытаюсь рассуждать вслух. Но если вы будете меня постоянно сбивать, мы с вами далеко не уедем.

Панченко, угрюмо молчавший, неожиданно остановился и, развернувшись на сто восемьдесят градусов, направился по дорожке обратно к дому.

– Ладно, я все вам рассказал, – изо всех сил стараясь говорить спокойно, произнес он. – Не будем выяснять отношения. У меня не подходящее для этого настроение. Вы работаете с людьми столько лет – должны меня понять. И не пытайте меня больше. Все, что я мог вспомнить, я уже вспомнил.

– Договорились, – согласно кивнул Гуров, хотя рассчитывал на продолжение разговора. – Все – так все. Мы с вами должны напоследок решить парочку технических вопросов, и на этом можно будет закончить. Вы упомянули о фотографии вашей невесты, где на ней надето то самое кольцо. Нельзя ли получить копию этой фотографии? Сами понимаете, нам было бы желательно иметь изображение драгоценности.

– Это можно, – хмуро ответил Панченко.

– Тогда еще одна просьба, – невозмутимо продолжал Гуров. – Не смогли бы вы сами привезти эту фотографию к нам в главк? Дело в том, что я рассчитываю на вашу помощь в составлении словесного портрета этой Алены. Заодно вам покажут фотографии всех аферистов, занимающихся подобным промыслом, – возможно, среди них вы узнаете и ее.

– А без этого нельзя обойтись? – неприязненно спросил Панченко.

– Боюсь, что нельзя, – твердо сказал Гуров. – Если только вы не раздумали искать кольцо...

– Хорошо, как-нибудь заеду к вам в главк, – неохотно согласился Панченко. – Я вам предварительно позвоню.

– Только не затягивайте это дело, – предупредил Гуров. – Время идет, и у нас остается все меньше шансов успеть к сроку. Это не в ваших интересах, Виталий Андреевич, затягивать расследование.

Панченко отмолчался, но Гуров по его лицу видел, что тот едва сдерживается, чтобы не сорвать злость на госте. Сейчас Гуров несколько не удивлялся высказыванию референта Забуруева о том, что сын начальника склонен к истерическим реакциям. Сложные жизненные вопросы Виталий Андреевич, похоже, привык решать именно таким способом – обвиняя всех окружающих в своих бедах. У него были для этого возможности. Но, вероятно, он просто еще очень боялся грядущих последствий своего минутного легкомыслия. Наверное, будущие родственники были людьми чрезвычайно серьезными, не склонными к шуткам и розыгрышам.

– Я приеду сегодня же, – буркнул наконец Панченко, отводя в сторону сердитый взгляд.

– Вот и славно, – сказал Гуров как ни в чем не бывало. – Тогда заодно еще одна просьба, Виталий Андреевич. Хотелось бы провести экспертные мероприятия в вашей квартире. Там могли остаться отпечатки пальцев, волосы, какие-то еще следы...

Панченко покачал головой и сказал вежливо, но непреклонно:

– Не думаю, чтобы там что-то осталось. Все уже убрано, посуда перемыта, белье в прачечной. Мне как-то не приходило в голову, что милиции захочется копаться у меня в квартире. И вовсе не хотелось оставлять сувениры на память о том вечере. Так что ничем вам тут помочь не смогу, Лев Иванович, сожалею!

Гуров по глазам видел, что ни капельки он не сожалеет, а, наоборот, рад, что пресек попытку опера оказаться в своем жилище. «Лучше бы ты берег его от сомнительных женщин», – подумал Гуров, но вслух ничего говорить не стал.

На подходе к дому они увидели длинную фигуру Забуруева, который терпеливо дожидался Гурова, стоя столбом у края изумрудной лужайки.

Уже в автомобиле, выезжая из поселка, референт неожиданно спросил:

– Ну и как вам Панченко-младший, Лев Иванович?

Гуров пожал плечами. Забуруев вздохнул и продолжил:

– Отец-то, Андрей Борисович, совсем другой по характеру. А этот не орел. Нет, не орел! – И с сожалением покрутил головой.

Гуров с любопытством посмотрел на него и еще раз пожал плечами.

– Что выросло, то выросло, – буркнул он.

Глава 4

Найти Курносова Стасу удалось далеко не сразу. В офисе фирмы ему сказали, что Курносов только что уехал в один из филиалов. Крячко устремился по новому адресу, но в филиале выяснилось, что Курносов уже убыл и, кажется, отправился к себе домой. Стас попытался застать Курносова дома, но из этого тоже ничего не получилось. Он опять вернулся в офис и узнал, что шеф еще не появлялся. Крячко уже начинал по-настоящему злиться, но тут секретарша Курносова, сжалившись над ним, сообщила номер мобильного телефона своего шефа.

Удивляясь, почему такая простая мысль не пришла ей в голову сразу, Крячко набрал указанный номер и наконец связался с неуловимым бизнесменом. Курносов отнесся к его звонку настороженно и долго выпрашивал, что у Крячко на уме, хотя Стас сразу же сообщил, какой вопрос его интересует.

Попытавшись вначале отговориться нехваткой времени, Курносов однако вскоре сдался и согласился встретиться с опером. Он тоже не хотел вести разговор в официальной обстановке и предложил встретиться в баре офисного центра на Смоленской площади. Крячко уже надоело гоняться по городу, но он не стал спорить и поехал на Смоленскую площадь.

Курносов ему сразу не понравился. Держался он вызывающе, строил из себя важную персону, но по глазам бизнесмена Крячко заметил, что он довольно здорово трусит. Стас понимал, что это совсем не обязательно должно означать, будто Курносов причастен к похищению драгоценностей, – просто у нашего бизнесмена всегда имеются причины опасаться правоохранительных органов.

Курносов сидел один за столиком полупустого бара. Перед ним стояли кружки с темным густым пивом и разнообразные закуски. При виде запотевшей кружки Стасу до смерти захотелось выпить пива, но он решил держать марку и наотрез отказался от предложенного угощения.

– Виноват, на работе ни-ни! – заявил он, подмигивая. – Начальство у нас строгое. Спиртного духа на дух не переносит – такой вот каламбур! Вам-то, Анатолий Владимирович, проще – сам себе хозяин, верно? Сам себе выговор писать не будешь, ха-ха! – балагурия, Крячко исподволь присматривался к предпринимателю, пытаясь понять, что за человек сидит перед ним.

Курносов показался ему самоуверенным и не слишком добрым типом. Впрочем, Крячко редко встречал добряков, занимавшихся большим бизнесом, они ему как-то не попадались.

Курносов, несомненно, нравился женщинам. Он превосходно одевался, следил за собой, был подтянут и мускулист. Некрасивое, но мужественное лицо его было покрыто ровным шоколадным загаром. «На Кипре небось кайф ловит, эксплуататор трудового народа!» – с веселой завистью подумал Крячко.

– Зря отказываетесь! – заметил Курносов, поднимая тяжелую кружку и сдувая махровую белую пену. – Пиво замечательное, чешское... Я, между прочим, его ни на какое другое не променяю – ни на германское, ни на голландское. Чехи – вот кто лучшие в мире пивовары! А ваше начальство сейчас само, наверное, квасит где-нибудь по кабинетам. Так что зря вы!

– Не зря, Анатолий Владимирович, не зря! – убежденно заявил Крячко. – Вспомните поговорку «с утра выпил – весь день свободен»! Верно ведь, на сто процентов верно! А у меня еще дел невпроворот. Никак мне нельзя расслабляться.

Курносов усмехнулся. Простоватое лицо опера и его невинный треп ввели бизнесмена в заблуждение. Он решил, что перед ним действительно простак, недалекий служака, с которым не будет много хлопот.

– Что мне пара кружек? – сказал он. – Как слону дробина. Вон во Франции за стол вообще без пол-литра не садятся.

– Что вы говорите? – изумился Крячко. – Бывали во Франции?

– Да где я только не бывал! – махнул рукой Курносов и хитро прищурился. – А вы что же, о моих зарубежных впечатлениях поговорить хотели?

– Да нет, что вы! – возразил Крячко. – Просто невольно заслушался. Надо же – в самой Франции побывали!.. Но, однако, мы, действительно, вернемся лучше к нашим баранам. Я ведь вас по делу ищу, Анатолий Владимирович! С Панченко Виталием Андреевичем знакомы?

Лицо у Курносова мигом помрачнело. Глядя в стол, он нехотя ответил:

– Ну, допустим, знаком... А вы поверили ему, что я виноват в том, что его обчистили?

– А вы откуда, Анатолий Владимирович, знаете, что Панченко, извиняюсь, обчистили? На щеках бизнесмена заиграли желваки.

– Этот козел сам мне позвонил на следующее утро. В истерике бился – наверное, всю трубку слюной забрызгал. По его словам выходит, что это чуть ли не я ему эту сучку в постель положил, а он мягкий и пушистый, как овечка! А он самый настоящий козел, понимаете?!

– Пока с трудом, – мирно ответил Крячко. – Какие-то овечки, козлы, сучки... Давайте без зоологических ассоциаций. Итак, вы знаете, что вашего знакомого обокрали. Чудесно. Тогда я сразу начну с главного. Нам сообщили, что с той женщиной, которая подозревается в краже, познакомили гражданина Панченко именно вы, Анатолий Владимирович. Будьте добры прокомментировать.

– Да что тут комментировать! – раздраженно сказал Курносов, в сердцах отталкивая недопитую кружку и хватаясь за пачку сигарет, лежавшую на столе. – А, кстати, вы мне ни документов своих не показали, ни полномочий своих... А если я не желаю отвечать на ваши вопросы?

– Тогда нам придется вызывать вас на допрос в официальном порядке, Анатолий Владимирович, – мягко пояснил Крячко. – Давайте уж лучше так пока...

– Ну ладно, вообще-то мне особенно и нечего скрывать, – сказал Курносов, удивительно быстро успокаиваясь. – Глупо, конечно, получилось, но я-то тут при чем? У этого Виталия Андреевича к тридцати шести годам голова на плечах могла появиться? Нормальную бабу от шалашовки отличить не может!

– Простите, Анатолий Владимирович, а у вас как с этим делом? Вы-то сразу поняли, что за штука перед вами?

– Ловите меня на слове? – криво ухмыльнулся Курносов. – Ну, согласен, тоже лоханулся! Выглядела она, эта стерва, по первому классу – ничего не скажешь. И морда просто ангельская. Но я к тому веду, что я-то ее на улице подцепил, а Виталий домой к себе поволок. При ближайшем знакомстве неужели нельзя было сообразить, с кем имеешь дело? А она действительно, того... свистнула колье? – Курносов посмотрел на опера с нескрываемым любопытством. – Или это Виталик страху на меня нагоняет?

– Колье действительно похищено, – спокойно сказал Крячко. – Если верить заявителю. Но у нас нет оснований ему не верить. Поэтому давайте разбираться. Вы говорите, подцепили эту женщину на улице. При каких обстоятельствах?

Курносов наконец шелкнул зажигалкой и закурил. Выпустив к потолку струю дыма, он улыбнулся и снисходительно сказал:

– Ну, какие тут могут быть обстоятельства? Выпили немного, покатались по городу. Потом Панченко предложил зайти в «Палитру». Чего ему не предлагать? За всю ораву я платил. Он это как должное принимал.

– Большая была орава? – поинтересовался Крячко.

– Я, Виталий, еще один тип по фамилии Астахов, – начал перечислять Курносов, загибая пальцы. – Да двоюродный брат Виталия. Ну, в общем, не чужие люди. Я, чтобы вы знали, с Панченко одну школу заканчивал и даже один класс.

– А женщина, значит, посторонняя?

– Женщина посторонняя, – согласился Курносов. – Когда мы из машины вышли, она в переулке стояла неподалеку от входа в клуб. Будто кого-то ждала. Да она так и объяснила, что ждет своего жениха. Наплела мне, что жених у нее офицер какой-то крутой, из особой службы. А мне что? Мне хоть премьер-министр. Предложил ей с нами поужинать, вместо того чтобы на улице торчать. Она поломалась немного для приличия и согласилась. Сказала, что ее суженый вряд ли уже появится. Мне, если честно, она в тот момент показалась приличной особой. Даже на проститутку она не была похожа. Но вот теперь наука – внешность обманчива!

– Это старая истина, Анатолий Владимирович, – заметил Крячко. – Но дело не в этом. Значит, уговорили вы эту даму, и что было дальше? Кстати, как ее имя?

– Назвалась Аленой, – иронически ответил Курносов. – Ну а дальше поднялись мы в ресторан. Наши уже за столиком сидели. Я, как положено, представил новую знакомую. Мужики, естественно, начали хвосты распускать. Знаете, перед красивой бабой даже заморыш старается себя Шварценеггером показать. Ну, здесь больше в словесной форме – кто больше комплиментов наговорит, кто кого переострит. В общем, обычный треп. Потом вина выпили. И тут Виталий вдруг домой засобирался.

– Как это вдруг? – удивился Крячко. – Вы говорите, все в Шварценеггеры подались, а тут вдруг домой – на самом интересном месте... Что-то не вяжется тут у вас.

Курносов с досадой сказал:

– Чего это у меня не вяжется? Откуда мне знать, почему он домой засобирался? Я же говорю, мы все не совсем трезвые были – мало ли кому что в голову взбредет! Может, ему обидно стало, что тут такая красавица пропадает, а ему через неделю жениться?

– Вот-вот, давайте о женитьбе, Анатолий Владимирович! – обрадовался Крячко. – Чуть-чуть поподробнее! Вы ведь были в курсе, какой свадебный подарок приготовил для своей невесты Виталий Андреевич?

– Ну, был, – почти враждебно произнес Курносов после некоторой паузы. – Так что из этого? Не я один об этом знал. В принципе, многие знали...

– Но из собравшихся в тот вечер за столом об этом знали только вы и Панченко?

– Ну, допустим...

– А кто-нибудь из вас сообщал этот факт вашей новой знакомой?

– Ну, я сказал. Когда Виталий на Алену глаз положил, – неохотно признался Курносов. – В шутку. Чтобы не забывался, так сказать. Чего тут особенного? Откуда я знал, что эта баба мотает все на ус?

– А я вас ни в чем и не обвиняю, Анатолий Владимирович, – сказал Крячко. – Мне тут интересно как раз не то, что вы сказали, а то, что ваша спутница все мотала на ус. Ведь, я полагаю, если бы вы были ее сообщником, так вы не стали бы про ожерелье говорить при всех, верно? Зачем вам это? С вашей стороны это был, значит, не умысел, а неосторожность. Видите, как бывает выгодно сделать своевременное признание?

Курносов невесело засмеялся.

– Ну, слава богу, хоть в сообщники меня не записываете. И на том спасибо. Будете общаться с Панченко, не забудьте поставить его об этом в известность.

– А сами что – не собираетесь с ним общаться? – спросил Крячко.

– Не сейчас, – с недовольной миной ответил Курносов. – Сейчас не самый удобный момент. Сейчас у него я главный враг. Он же уверен, что я ему Алену подсунил.

– А мне казалось, что вы в некотором роде друзья, Анатолий Владимирович, – озадаченно произнес Крячко. – Одноклассники все же! Ну, погорячились, с кем не бывает?

– Да какие друзья! – презрительно махнул рукой Курносов. – Это колье четверть лимона стоит. Тут уж дружба врозь! Мне этого инцидента теперь век не простят. Особенно если пропажа не найдется.

– Но все-таки в чем причина такой обидчивости? – полюбопытствовал Крячко. – Неужели только вредный характер чиновника? Вы ни при чем, а ваш одноклассник обижается? Может быть, вы чего-то недоговариваете? Мы остановились на том, что Панченко засобирался домой... Что делала в этот момент Алена? Что делали вы?

– Ну-у, я точно не помню, – замялся Курносов. – Ах, да! Он сказал, что уходит, и вышел из зала. Эта девка почти сразу рванула за ним следом. Но я и тогда еще ничего такого не подумал. Просто решил, что деваха клюнула на сына министра...

– Она и об этом знала? – спросил Крячко.

– Ну, ясно, знала, – подтвердил Курносов. – В разговоре это всплывало... В общем, я понял, что вечер закончился, расплатился и тоже отчалил. Когда я вышел на улицу, ни Виталия, ни этой бабы уже не было. Я сел в машину и поехал... Ну, в общем, домой поехал. А утром Панченко позвонил и претензии мне высказал. Я сначала, по правде сказать, не все понял. Думал, он меня слегка разыгрывает. Но теперь, раз милиция за это взялась, значит, все так и есть...

– Анатолий Владимирович, – поинтересовался Крячко. – А вот, возвращаясь к личности этой женщины, – не припоминаете, не встречали вы ее раньше? Может быть, лицо ее показалось вам знакомым? Не было такого?

Курносов пожал плечами.

– Да нет вроде, – ответил он. – Красивая баба, это точно. На артистку похожа или на модель. Но раньше я ее никогда не видел.

– Вины в преступлении за вами нет, но в свой круг ввели эту женщину именно вы.

Лицо бизнесмена начало медленно багроветь. Он, было совсем успокоившийся, теперь смотрел на опера волком.

– Вы все-таки считаете, что я навел эту стерву? – процедил он. – Я, по-вашему, что же – последний идиот?

– Я этого не сказал, – перебил его Крячко. – Я к тому веду, что эта женщина, скорее всего, именно с этой целью торчала возле закрытого клуба поздно вечером – в надежде подцепить какого-нибудь богатого человека... – Он на секунду задумался, а потом вдруг с прояснившимся лицом поднялся из-за стола. – Знаете что, Анатолий Владимирович? Давайте не будем откладывать все в долгий ящик! Давайте проедем сейчас к нам, и я покажу вам фотографии девиц, занимающихся подобным промыслом. Если вы опознаете кого-нибудь из них, проблема будет, считай, решена.

Курносов поморщился, но, оставив на столе недопитое пиво, отправился следом за опером. Для Крячко не было неожиданностью, когда обнаружилось, что у подъезда бизнесмена дожидается «Мерседес» с двумя коренастыми типами, похожими на профессиональных боксеров. До главка они добирались каждый своим транспортом. Но, приехав на место, Стас попросил Курносова оставить своих телохранителей внизу.

– Здесь вы в полной безопасности, Анатолий Владимирович! – заверил он бизнесмена. – Да и я не задержу вас долго – ребята не успеют соскучиться.

Курносов подчинился, однако было заметно, что без охраны, да еще в святая святых правопорядка, он чувствует себя не вполне уютно. Впрочем, фотографии женщин-аферисток в кабинет Крячко доставили оперативно. Курносов занялся просмотром снимков, разглядывая лица незнакомых женщин с неподдельным интересом.

С не меньшим интересом наблюдал за ним Крячко, у которого была надежда, что судьба на этот раз ему улыбнется и удастся вычислить похитительницу с первого раза. Ему очень хотелось к возвращению Гурова преподнести тому сюрприз.

Однако, просмотрев все фотографии, Курносов аккуратно сложил их и вернул Стасу.

– К сожалению, ничего похожего, – сказал он. – Понимаете, та была исключительной красоты женщина. Ни за что не скажешь, что она способна на такие номера. А эти... – Он пренебрежительно махнул рукой.

Крячко усмехнулся.

– Знаете, это вы сейчас говорите, – заметил он. – Психология! Вам заранее известно, кто эти дамы. Поэтому вы охотно приписываете им любые грехи. Думаю, если бы вы сейчас посмотрели на фотографию Алены, она произвела бы на вас впечатление, далекое от вчерашнего. Но это не так важно. Главное, мы выяснили, что среди этих кандидаток ее нет. Отрицательный результат, как говорится, тоже результат. Наверное, мы имеем дело с кем-то из новых...

– И что же теперь? – осторожно спросил Курносов.

– Будем искать, – лаконично сказал Крячко.

Глава 5

За окном кабинета медленно густела вечерняя синева. Гуров и Крячко сидели каждый за своим столом и в сотый раз задумчиво рассматривали синтезированные на компьютере портреты неизвестной Алены. Крячко перекатывал в губах незажженную сигарету.

Портретов было два – сделанных с интервалом в полтора часа. Первый являлся плодом творческих усилий бизнесмена Курносова. Над вторым несколько позже трудился Виталий Панченко, который все-таки внял советам Гурова и не стал откладывать свой визит к оперу.

Даже на первый взгляд портреты отличались один от другого. Можно было даже сказать, разительно отличались. Объединяла их только та безжизненная абстрактность, которая свойственна портретам, синтезированным в криминалистических лабораториях.

– Вот тебе два примера материализовавшихся мужских заблуждений, – философски изрек Гуров, еще раз сравнивая портреты. – Два бывших одноклассника, а как по-разному видят они одну и ту же женщину! Если, конечно, кто-то из них сознательно не кривит душой... Хотя не вижу причин для этого. Тебе самому чей вариант больше нравится?

Крячко наконец заметил, что во рту у него незажженная сигарета, и полез за своей зажигалкой.

– Лично мне нравится тот вариант, который рожден под моим чутким руководством, – заявил он, закуривая. – Как говорится, плохонькое, но свое. Если же серьезно, то заблуждения заблуждениями, а два разных лица одной дамы меня лично напрягают. Может, у твоего Панченко проблемы со зрением?

– Нет, у него, по-моему, сейчас совсем другие проблемы, – заметил Гуров. – Но я склонен больше доверять все-таки памяти Курносова. Сдается мне, Панченко в тот вечер был сильно навеселе, да и вообще он не кажется мне объективным человеком. Пока женщина выдает ему авансы, он склонен видеть в ней только положительное, когда же она его кидает, то превращается в чудовище. Нет, все-таки твой вариант, Стас, тоже представляется мне более предпочтительным.

– Толку-то что? – сказал Крячко. – Мне это лицо ни о чем не говорит. Кстати, Курносов все время подчеркивает, что женщина была на редкость красивая и обаятельная, а то, что получилось, признаться, не впечатляет. И Панченко был ею очарован, а что на портрете?

– Очарование в банк данных не засунешь, – резонно возразил Гуров. – Мне хотелось побеседовать с остальными участниками вечера, но, к сожалению, выяснилось, что господина Астахова в городе нет – министр включил его в состав своей делегации. Должно быть, опасается утечки информации и надеется, что под присмотром Астахов не станет болтать языком. Хотя, по моему мнению, он и так вряд ли станет болтать – не встречал желающих вылететь из министерства по собственному желанию. А телефон журналиста Канунникова не отвечает. Его мне тоже повидать не удалось.

– Хорошо хоть Панченко почтил нас своим присутствием. У него был такой вид, будто он делает нам огромное одолжение.

– Да, неплохо, – согласился Гуров. – Конечно, он к нам и на пушечный выстрел не подошел бы, но, кажется, он панически боится гнева своего папаши, а гнева папаши невесты, может быть, еще больше. Ты же видел дочкину фотографию – не женщина, а босс в юбке.

Фотографию своей невесты, на которой она была изображена с пресловутым колье на шее, Панченко привез с собой в главк, как и обещал, но сразу же забрал обратно. Гуров сделал себе цветную копию на ксероксе, увеличив изображение колье, но личность самой невесты оставлять не стал – на этом Панченко особенно настаивал, видимо, он опасался, что Гуров сразу отправит фотографию невесты на стенд «Их разыскивает милиция». Гуров счел разум-

ным не возражать. Холодное надменное лицо незнакомой женщины вызывало у него непреодолимую неприязнь.

Стас испытывал примерно то же самое. Гурову даже показалось, что Крячко немного забавляет вся эта история и в глубине души он злорадствует по поводу проблем людей с «мелким жемчугом». Так это или нет, Гуров не хотел выяснять. Сам он считал, что преступление всегда остается преступлением, кто бы ни становился его жертвой. А преступник в любом случае заслуживает справедливой кары.

– А вообще, мне очень не нравится, что Курносов не опознал своей знакомой среди известных аферисток, – заявил вдруг Крячко. – Получается, мы имеем дело с какой-то новенькой? Ни связей, ни пальчиков – ничего?

– Панченко наотрез отказался от того, чтобы мы обследовали его квартиру, – сказал Гуров. – Говорит, что уже затер все следы. Не думаю, что хочет скрыть что-то компрометирующее. Скорее всего, стесняется соседей – по этой причине и с уборкой поторопился. Так что пальчиков действительно нет. А связи должны иметься. Просто нужно их найти. Тут вот что интересно – эта Алена оказалась у «Палитры» случайно или с самого начала была нацелена на Панченко?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.